

Глава первая

ТЕНЬ ОТЦА

Поль проснулся посреди ночи от какого-то смутного беспокойства. Он приподнялся на кровати, широко открыв глаза. В углу спальни тускло горел огонек лампы, освещая иконы — Спас Нерукотворный, Иверская Божья Матерь и святой Павел, его небесный покровитель.

Лик Павла смотрел строго, гневно, словно святой был чем-то недоволен.

Прислушавшись, Поль расслышал в глубине дворца голоса, шаги многих людей. Там что-то происходило.

Нянька Прокофьевна проснулась, поднялась со своей лежанки, подошла, потрогала его лоб.

— Что вы, ваше высочество, не спитесь? — проговорила озабоченно. — Господь с вами, подремните еще, ночь на дворе!

— Прокофьевна, что там? — спросил Поль, спуская ноги с кровати. — Кто там шумит?

— Да никого там нет, не бойтесь! — Нянька перекрестилась. — Кому там быть? Должно быть, приснилось вам что-то!

Поль, однако, спрыгнул на пол, босиком, в длинной батистовой рубашке подбежал к двери, выскользнул в соседнюю комнатку. Там ночевал дядька Тихон, старый унтер, служивший еще при государыне Анне Иоанновне. Тихон не спал, он сидел на сундуке в расстегнутом мундире, прислушивался.

— Что там, Тихон? — спросил его Поль. — Кто там шумит?

И правда, теперь беспокойные голоса и шаги сделались слышнее.

— Гвардейцы буянят, — хмуро проговорил дядька.

— Гвардейцы? — удивленно переспросил Поль.

Он часто видел гвардейцев — во дворце, где они несли караул, на плацу, где они стояли стройными рядами, дружно поднимали ружья, салютуя папеньке. Они были такие нарядные, как на картинках в его любимой немецкой книжке, такие подтянутые, трудно было поверить, что они могут буянить, могут кричать дикими неправильными голосами, бегать по дворцу с громким топотом.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату заглянул огромный человек в полурасстегнутом семеновском мундире, с широким страшным лицом и горящими кошачьими глазами. Он окинул комнату подозрительным взглядом.

— Нечего тебе тут смотреть! — проговорил дядька Тихон, поднимаясь навстречу незнакомцу. — Нечего тебе тут делать! Тут покои цесаревича, его высочества Павла Петровича!

— Ты не больно-то умничай! — Страшный человек сунул под нос дядьке огромный кулак, потом повернулся, взглянул на Поля, усмехнулся страшным, беззубым ртом:

— Ишь ты, Павел Петрович! Ну, живи пока!

Тут же он исчез, захлопнув за собой дверь, прогремели, удаляясь, тяжелые шаги.

— Кто это был? — прошептал Поль, когда прошел сковавший его страх.

— Гвардеец! — проговорил дядька, мелко крестясь на икону. — Спаси, Господи, и помилуй!

До утра Поль так и не заснул, пролежал в своей непомерно большой кровати, прислушиваясь к доносящимся из-за стены звукам. Святой Павел смотрел на него недовольно, словно осуждал его за что-то, да только не говорил, за что.

Утром прибежали мамки и няньки, принялись умывать и причесывать Поля, нарядили его как в праздник, однако на все его вопросы отвечали уклончиво и невнятно.

Нарядив, повели по коридорам дворца.

Во дворце все было не так, как обычно, — много незнакомых лиц, много суеты. На Поля смотрели с любопытством, как на редкого зверька. Наконец его привели в большой зал, где толпились незнакомые люди, много больших, шумных гвардейцев, похожих на того страшного человека, который приходил ночью. Среди всех этих людей Поль увидел лишь несколько знакомых придворных. Вдруг двери слева распахнулись, и вошла маменька — красивая, раскрасневшаяся, в пышном шуршащем платье серебряной парчи. Рядом с ней шагал очень высокий гвардеец, что-то тихо говорил ей в самое ухо.

Маменька подошла к Полю, наклонилась, поцеловала, обдав пряным запахом своих духов.

— Хорошо ли ты спал, мой мальчик? — проговорила она своим красивым грудным голосом.

— Скверно, — честно ответил Поль. — А где папенька? Я хочу к папеньке!

— Что? — Маменька выпрямилась, взглянула на него недовольно. — К чему тебе папенька? Со мной тебе куда лучше!

— А я хочу к папеньке! — заупрямился Поль.

— Не говори глупостей! — Маменька оглядела людей, окружавших Поля, и зло бросила:

— Кто его подучил?

— Никто, государыня! — ответил за всех дядька Тихон, почтительно склонившись. — Никто, Христом Богом клянусь! Разве бы мы осмелились, государыня?

— Глядите у меня! — Маменька сверкнула глазами, взяла Поля за руку и повела его к балконной двери. Поль попытался

вырвать руку, ему не хотелось идти на балкон, но маменька держала так крепко, что стало больно.

Они вышли на балкон — и Поль на мгновение ослеп от того, что предстало его глазам.

Внизу, на большой площади, некуда было яблоку упасть. Там стояли мастеровые и уличные разносчики, крестьяне из ближних деревень и купцы-гостинодворцы, нищие побирušки и чистые господа, но больше всего было гвардейцев в мундирах Семеновского, Измайловского и Преображенского полков.

При появлении их с маменькой площадь взорвалась криками.

Стоявший рядом с маменькой гвардеец шагнул вперед, картинно положил руку на пояс и выкрикнул могучим, глубоким голосом, слышным в самых отдаленных концах площади:

— Господа дворяне, купцы и простые люди! Люд православный! Государь Петр Федорович замыслил изменить русскому народу и святой православной церкви. Но Господь в милости своей того не допустил, государыня наша Екатерина Алексеевна божьим промыслом спаслась. Она обещает сохранить Святую Русь, сохранить нашу истинную православную веру. Правительствующий сенат и Священный синод уже присягнули государыне императрице Екатерине Алексеевне. Присягнули ей и гвардейские полки. Теперь, православные, ваш черед — коли хотите, чтобы государыня защитила Русь от иноземной заразы, присягните государыне императрице Екатерине Алексеевне! Поклонитесь служить ей верой и правдой!

— Клянемся! Клянемся! — слышались в разных концах площади отдельные крики, которые постепенно переросли в дружный единогласный гул.

— Многая лета государыне императрице Екатерине Алексеевне всяя Руси!

— Многая лета! — рывкнули в тысячу глоток гвардейцы.

— Многая лета! — подхватила площадь.

— А где государь Петр Федорович? — донесся из толпы одинокий визгливый голос.

Но тут же вокруг смутьяна сомкнулись гвардейцы, и голос затих.

— Галина Леонидовна! — раздался в полутьме коридора едва слышный голос.

Галина вздрогнула, взгляделась в темноту.

В проеме двери стоял молодой охранник — тот самый, который был за рулем, когда они ехали из аэропорта.

— В чем дело? — спросила она с легким оттенком недовольства.

Охранник приложил палец к губам, отступил, как бы приглашая ее последовать за собой. Галина фыркнула — что за фамильярность? Она хотела было пройти мимо, но что-то в глазах парня зацепило ее, вызвало в душе тревогу, смутное, неосознанное беспокойство.

Она замешкалась на пороге, но все же решилась, вошла.

Это была одна из тех странных комнат, каких много было в этом безумном доме: круглая, ласточкиным гнездом нависающая над морем. В большие окна эркера ломился юго-западный ветер, швыряя в них клочья сырого балтийского тумана.

Судя по всему, охранники держали здесь запасное оборудование — какие-то приборы, мониторы, камеры.

— В чем дело? — сухо повторила Галина, лицом и голосом подчеркивая дистанцию.

Охранник плотно закрыл за ней дверь, включил свет, проговорил с оттенком смущения и беспокойства:

— Галина Леонидовна, я хотел вам кое-что показать...

— Почему именно мне? — спросила она недовольно. — Почему не вашему начальнику?

— Мне казалось, что вы должны это увидеть первой.

— Ну так показывайте! — процедила она нетерпеливо. — Что тут у вас?

— Я просматривал старые записи с камер наблюдения, разбирал, что нужно сохранить, а что удалить, и увидел вот это...

Он нажал какие-то кнопки, вспыхнул голубоватым огнем экран одного из мониторов.

Галина увидела тускло освещенный коридор — один из бесчисленных коридоров этого мрачного, неуютного дома. Сначала коридор был безлюден, затем в поле зрения камеры появилась человеческая фигура. Вглядевшись в нее, Галина узнала своего отца — его широкие плечи, чуть сутуловатую спину, львиную гриву волос. При виде отца Галина испытала знакомое уже щемящее чувство потери и одиночества.

Отец прошел по коридору, открыл дверь, на мгновение задержался на пороге и скрылся в своей комнате.

— И это все? — Галина в недоумении покосилась на охранника.

— Нет, постойте! Во-первых, обратите внимание на дату...

В углу экрана мелькали цифры — число, часы, минуты, даже секунды. Это был день — точнее, ночь смерти отца.

— Теперь смотрите! — Охранник показал на монитор.

Галина внимательно смотрела на экран — и то с трудом заметила, как из-за угла вытянулась рука, протянулась к выключателю. Свет в коридоре погас. Правда, чувствительная камера продолжала снимать при тусклом свете луны, льющемся в дальнее окно, но теперь можно было различить только смутную тень, которая появилась в коридоре и проскользнула в ту же дверь, за которой минуту назад скрылся отец.

Галина молча смотрела на экран, но там больше ничего не происходило, а потом экран погас.

— Что вы хотите сказать? — проговорила Галина, обернувшись к охраннику.

— Я не хочу делать выводы, — отозвался тот негромко. — Я только хотел, чтобы вы это увидели. Я многим обязан вашему отцу. В ночь, когда он умер, кто-то вошел в его комнату...

— Может быть, это мать...

— Вряд ли, — деликатно возразил охранник. — Мне кажется, это был мужчина. И то, что этот человек выключил свет в коридоре... это говорит о его недобрых намерениях.

— Можно еще раз просмотреть эту запись?

Охранник без слов поставил диск на повтор, и Галина еще раз проглядела ночную сцену.

Теперь она была более внимательна. Она пристально смотрела на отца — ведь это была его последняя ночь...

И на этот раз от ее внимания не ускользнуло то, что он выглядел более усталым, чем когда бы то ни было, более старым. На этот раз он показался ей сломленным — чем? Ведь, насколько она знала его, он был по сути своей победителем, все ему в этой жизни удавалось, женщины любили его, мужчины уважали...

Отец скрылся за дверью.

Потом снова появилась рука незнакомца. Да, Галина была согласна с охранником — это была мужская рука.

Свет погас, и смутная тень скользнула к двери отца...

Движения ее были крадущимися, вороватыми. Этот человек явно замыслил что-то недоброе...

Запись закончилась. Галина повернулась к охраннику и спросила первое, что пришло ей в голову:

— А где следующая запись с этой камеры?

— Она исчезла. Я перебрал все диски за тот день, но больше ничего не нашел.

— Вот что... — Галина на мгновение задумалась. — Как вас зовут?

— Алексей.

— Вот что, Алексей... я должна как следует подумать над тем, что вы мне показали. Пока больше никому это не показывайте и никому об этом не говорите.

— Хорошо, я так и сделаю...

Охранник вынул из проигрывателя диск, положил его в ящик стола, запер на ключ. Потом внимательно посмотрел на Галину и повторил:

— Я очень многим обязан вашему отцу... и если вам понадобится помощь — помните, что вы всегда можете на меня рассчитывать.

— Хорошо, я это поняла. И еще раз повторяю — никому это не показывайте и никому не говорите.

Она вышла из комнаты, но вместо того, чтобы вернуться к себе, поднялась по лестнице и вышла на открытую террасу.

Снаружи было очень холодно. Резкий осенний ветер дул порывами, швыряя в лицо то ли брызги волн, долетающие на такую высоту, то ли капли дождя. Море ревело далеко внизу, как дикий зверь.

Галина обхватила себя руками, чтобы согреться, но не спешила уходить в тепло. Ей казалось, что холод и ветер осенней ночи помогут справиться с тоской и бессилием последних двух месяцев, помогут найти во всем этом смысл.

Она снова и снова прокручивала перед своим внутренним взором запись со злополучного диска.

Глаза постепенно привыкли к ночной тьме. Она разглядела мрачную пустыню моря. Где-то вдали тускло мерцал зеленый огонек маяка. Над бушующим морем метались обрывки туч, изорванные и темные, как лохмотья старого бомжа. Выше, в неровных разрывах облаков, изредка мерцала холодная звезда. Несущиеся над морем тучи принимали самые фантастические обличья,

одна из них показалась Галине похожей на величественную голову отца...

Казалось, отец смотрит на нее с ночного неба, смотрит пристально, грозно, казалось, он чего-то ждет от нее...

В памяти всплыли давно забытые слова: «Прощай, прощай и помни обо мне...»

Вдруг из темноты возникла человеческая фигура с неясным пятном лица. Галина вскрикнула и попятилась: ей показалось, что это — тот же человек, который той роковой ночью проник в комнату отца.

— Галина Леонидовна, это вы? — раздался озабоченный голос, и она узнала охранника — не Алексея, другого, постарше. — Галина Леонидовна! — повторил охранник. — Что вы здесь делаете?

— Дышу воздухом! — огрызнулась она. — Я что — нахожусь под домашним арестом? Я не могу выйти на улицу? Мне нужно для этого чье-то письменное разрешение?

— Что вы. — Охранник смутился. — Просто будьте осторожны, погода ужасная. Может быть, вы уйдете внутрь?

— Да, конечно, — проговорила она недовольно и вернулась в дом.

В ее комнате было холодно. Галина включила отопление, легла, завернувшись в одеяло, но никак не могла согреться. Хорошо бы выпить горячего чая. Она вспомнила вдруг, как они с отцом ночью тайком пробирались на кухню, и отец сам заваривал крепкий и очень сладкий чай с лимоном и добавлял в него коньяку — себе

побольше, а дочке всего капельку. А потом им обоим вдруг жутко хотелось есть, и они опустошали холодильник. Анфиса, кухарка, знала про их ночной жор, но ничего не говорила, а только оставляла для них в укромном месте блюдо с бутербродами и домашними пирожками. Мама тоже знала и ругала их полуночниками.

Кажется, что это было только вчера, а на самом деле бесконечно давно. Она уехала учиться, ее не было два года, недолгие приезды домой не в счет.

Нельзя сказать, что она сильно скучала. В Швейцарии у нее была своя жизнь — учеба, друзья, Митя... Тогда она думала, что жизнь эта замечательная и ее вполне устраивает, тем более что отец сам послал ее учиться.

Так или иначе, все кончилось два месяца назад, когда отец неожиданно умер во сне от сердечного приступа. Легкая смерть, говорили врачи, он ничего не почувствовал. Что же вы хотите? Он очень много работал, возраст опасный, пятьдесят восемь лет, многие и до него не доживают... Банкиры в группе риска...

Галина села на кровати, обхватив себя руками. Как всегда, при этих воспоминаниях заболело сердце. Первый раз она почувствовала подобное, как только узнала о смерти отца. Было такое ощущение, что кто-то костлявой сильной рукой схватил сердце и сжал. Она не могла дышать. Потом чуть отпустило, со временем стало легче. И теперь накатывало только от воспоминаний.

Она дышала неглубоко и постаралась успокоиться. Ей о многом нужно подумать, во многом разобраться. Подумать только, ведь она при-